

об Африке. Как бы парадоксально это ни звучало, иногда можно даже говорить об известной избыточности и разнохарактерности этих источников.

Обращение к исследованию письменных источников по Африке (преимущественно её глубинных «чёрных» районов) невозможно без использования важнейшего, давно уже ставшего классикой издания Ф. Якоби «Фрагменты греческих историков»³. Анализ содержания этого полезнейшего собрания фрагментов греческих историков об Африке показывает, что удельный вес текстов, посвящённых собственно «Чёрной» Африке, достаточно велик. В составе III тома издания Якоби, посвящённого Африке в целом, из 943 страниц текста 276 отведены источникам по Египту, 60 — Эфиопии, т.е. «Чёрной» Африке, 45 — Кирене и Ливии, 8 — Карфагену. Важно отметить, что такое распределение в общем вполне соответствует соотношению описаний разных районов Африки в отдельных памятниках греческой литературы.

По частоте упоминаний Эфиопия следует непосредственно за Египтом. Это означает, что об этой части Африки греки писали очень много, даже больше, чем о других частях континента, исключая Египет, который всегда оставался на первом месте в античной литературе. Подтверждает этот вывод количественный анализ полностью дошедших до нас сочинений таких авторов, как Диодор Сицилийский и Страбон, III и XVI–XVII книги которых (соответственно) посвящены преимущественно Эфиопии. Из историков, наиболее важных для проблемы античной Эфиопии, на первом месте оказываются Геродот, Агатархид Книдский, Диодор Сицилийский, Страбон и Плиний, поскольку в их сочинениях содержится не только более всего сведений, но и, что придаёт им особую ценность, многие материалы, принадлежащие авторам, безвозвратно утерянным.

1. ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДЕСКРИПТИВНОЕ РАССМОТРЕНИЕ КОРПУСА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Следуя историческому пути развития древнегреческой литературы и письменной традиции греков в целом, весь корпус античных письменных источников по Африке логически закономерно рассматривать по двум большим рубрикам — художественная и научная литература. Это разделение в известной степени условно, поскольку на раннем этапе литературной истории произведения художественных жанров концентрировали в себе все знания своего времени в форме художественной, возникшей задолго до появления собственно научного знания, которому предшествовали эпохи эмоционально-чувственного (мифологического и поэтического по характеру), а не рационалистического познания мира. Но фактически такой подход

оправдывается и тем, что хронологически всем другим жанрам античной письменной традиции предшествует поэзия, и тем, что в эпохи окончательного развития жанров художественной литературы в ней дольше всего сохранялись мотивы и концепции, восходящие к первым авторитетнейшим памятникам античной письменной традиции. При всей проницаемости научной литературы для идей и образов художественной литературы, в последней сохранялся поэтический способ миропознания, в то время как в научной литературе превалировали рационалистические подходы и концепции. Так что противопоставление групп художественной и научной литературы (формально и по характеру содержания) вполне естественно.

В состав группы памятников античной художественной литературы входят произведения различных жанров, отмеченных и собственной спецификой содержащихся в них сведений по Африке. Хронологически всем другим жанрам греческой литературы предшествовали поэтические жанры: эпическая поэзия, дающая наиболее архаический образ мифической Африки (что отнюдь не обесценивает её информативной ценности, которую, разумеется, необходимо извлечь в процессе интерпретации источника); драматическая поэзия в её двух жанрах, представленных в творчестве поэтов-трагиков и комедиографов; лирическая поэзия, басенный и паремииграфический жанры, поздняя мифография и жанр античного романа. (Помимо греческих, по мере необходимости привлекаются и сочинения некоторых латинских авторов, продолжающих греческую традицию, а также некоторые библейские тексты.)

В рубрику жанров научной литературы входят сочинения историков (содержательные границы античного исторического жанра были, как известно, весьма широки, что делает не всегда возможным однозначное отделение «чистой» истории от произведений географического или иных жанров), географов (с жанровыми подразделениями на авторов-хорографов, картографов, составителей периплов и «чистых» географов), философов, медиков и грамматиков.

Третью группу письменных памятников составляют материалы эпиграфики разных жанров (отдельные «археологические» надписи, надписи на предметах искусства, граффити, оракулы и т.п.).

Наконец, в качестве иллюстрирующего материала невербального характера для всех названных жанровых видов письменных источников могут быть привлечены иконографические памятники, краткая характеристика которых будет дана в конце обзора.

У истоков античной письменной традиции стоит Гомер — отец греческой литературы и родоначальник древнегреческой науки и мудрости. В гомеровских эпических поэмах содержатся и первые письменно зафиксированные сведения об Африке и африканцах. Характер эпического жанра и тематика Илиады и Одиссеи определили немногочисленность гомеровских

текстов, трактующих африканскую тему, но их место самых первых в античной литературе свидетельств об Африке придаёт им особую ценность, особенно в связи с тем, что из-за непреходящего авторитета имени Гомера эти африканские топы или аллюзии на них продолжали цитироваться в античной литературе на всём протяжении её жизни и породили большую письменную традицию комментирующего или полемического характера. Собственно количество «эфиопских» мест у Гомера ограничивается всего семью упоминаниями, а с учётом общеафриканских (сюда входят упоминания Нила, ливийцев, лотофагов, Египта, циклопов и слоновой кости) аллюзий, их число не превышает двадцати одного: Илиада I, 423–424 (эфиопы); III, 3–7 (пигмеи); XXIII, 201–207 (эфиопы); Одиссея I, 20–25 (эфиопы); IV, 78–89 (эфиопы, Ливия); IV, 83–90 (эфиопы); IV, 225–232 (Египет); IV, 355 (Египет); IV, 351–362 (Египет и о. Фарос); IV, 475–479 (Нил); IV, 483–484 (путь в Египет); IV, 581 (Нил); V, 232 (эфиопы); V, 278–287 (эфиопы); IX, 82–105 (лотофаги); IX, 105 (циклопы); XIV, 292–296 (Ливия); XIV, 256 sqq. (Египет, Ливия); XVII, 232 sqq., 425 sqq. (Египет); XXI, 7 (слоновая кость); XXIII, 311 (лотофаги).

При всей краткости и сугубой мифологичности гомеровских «африканских» текстов (ведь в них повествуется о посещениях олимпийцами удалённой на крайний юг земли страны боголюбивых эфиопов, божественной трапезе там и получением богами щедрой гекатомбы, об особых отношениях сказочных эфиопов с Зевсом, Посейдоном и Иридой, о легендарном полубоге, царе эфиопов Мемноне и другом, столь же, казалось бы, далёком от реальности) эти места представляют чрезвычайную ценность. Ведь одновременно здесь рассказывается и о смертном Менелее, и об участии эфиопов в Троянской войне, и упоминаются реальные пигмеи, обитатели тропических лесов Африки, открывающие ещё одну традиционную тему античной «африканистики» (достаточно сослаться на разработку темы пигмеев у Гекатея Милетского (*Hecataios*, 266 = FHG I, p.15 fr.266), Геродота (II, 32, III, 37), Аристотеля (*Hist. animalium* VIII, 597a 4; *De generatione animal.* II, 748), Элиана (*De natura animalium* XV, 29), Рутилия (*Rut. Namatian.* I, 291–292).

Не менее существенны для определения степени знаний греков об Африке в целом и упоминания о лотофагах, Египте и Ниле, поскольку вся совокупность африканских тем и персонажей позволяет заключить, что во времена Гомера и ранее Эфиопия, пусть пока дальняя и плохо знакомая страна юга, уже была включена в мир греков и существовали контакты греков с автохтонами Африки.

Развитие эпической традиции после Гомера определялось тем, что он считался основоположником, которому эпические поэты стремились следовать и в форме, и часто в содержании, разрабатывая гомеровские темы. Не была исключением и эфиопская тема Гомера, которую использовали

поэты-гомериды и их последователи в поздние века античности. При этом чрезвычайно живучей оказалась и вся (реконструируемая) гомеровская концепция, связанная с «Чёрной» Африкой — идеализирующая по своей установке, которая в дальнейшей разработке античными философами и художниками нередко превращалась в утопическую.

Самый древний из сохранившихся эпических поэтов-последователей Гомера это Гесиод (VIII в. до н.э.), который в Теогонии сообщает краткую генеалогию гомеровского героя Мемнона, царя эфиопов, который был сыном богини Авроры и Тифона (Hesiod. Theogon. 984–985).

Арктину Милетскому (VIII в. до н.э.) принадлежит эпопея в пяти книгах под названием «Эфиопида, или Мемнон», текст которой утерян. Но сохранились её упоминания и два маленьких фрагмента — аргумент и аллюзия в сочинении Квинта из Смирны, автора III в. н.э.⁴ Аргумент имеет следующее содержание: Мемнон спешит на помощь Приаму; он убивает Антилоха, а его убивает Ахилл (Homeri carmina, p.583)⁵.

Новый всплеск в эпической поэзии наблюдался в александрийскую эпоху. Эфиопские мотивы, восходящие к Гомеру, используют и в это время, возможно, не только по причине непреходящей любви к Гомеру, но и в силу созвучия темы дальних краёв (в частности, Африки) для эпохи, когда эллинский мир совершал мощную экспансию на периферии ойкумены. Ликофрон — эпический поэт III в. до н.э. — разрабатывает африканские мотивы, говоря о Ливии, ливийцах, ливийском песке, а также эфиопах и эфиопском Зевсе (Licophronis «Alexandra», rec. E. Scheer (Berolini, 1881), v. 536–537).

Эпическая поэзия после Гомера вплоть до александрийского времени сохраняла верность Гомеру в отношении к мифологической и легендарной Африке, прежде всего к Эфиопии и эфиопам, которые воспринимались с большой долей идеализации, но при этом были прочно включены в различные контексты жизни греков (духовный, интеллектуальный, географический, исторический, культурный и т.п.) и их вселенную.

В греческой драматической поэзии, прежде всего в поэзии трагедийной, питавшейся из закромов мифологического наследия, африканская тема была представлена достаточно ярко, обнаруживая и интерес к ней, и реальное, конечно разной глубины и достоверности, знакомство с Африкой и Эфиопией. Разработка преимущественно гомеровской традиции не мешала появлению и другой линии, особенно подробно освещённой в своё время Геродотом в Истории; речь идёт о пользовавшейся огромной популярностью на протяжении всей античности глобальной теме, вокруг которой концентрировались все другие проблемы Африки, — о проблеме отыскания истоков великой африканской реки Нила. К ней естественно примыкала и тема Эфиопии — глубинной страны Ливии, где и зарождался

Нил, и интерес к её жителям — эфиопам, отчасти уже знакомым, но всё же ещё полуполюгендарным чернокожим людям.

У комедиографов, создателей второго любимейшего жанра античной драматургии, эфиопская тема также вызывала безусловный интерес, что выражалось в присутствии на сцене наряду с другими персонажами и эфиопов.

У первого греческого трагика Эсхила (525–456 гг. до н.э.) по известным нам трагедиям и фрагментам насчитывается двадцать семь мест, где затрагивается эфиопская тема (полный перечень мест в трагедиях Эсхила и для других авторов см. в Индексе источников). Эсхилевские африканские мотивы находятся целиком в русле мифической гомеровской традиции. В двух наиболее известных местах содержится рассказ об Ио в Эфиопии (Promet. vinct., vv. 808–812) и упоминание об Эфиопии, земле у Красного моря, на берегу Океана (Promet. lib., fr.67)⁶.

Эсхил даёт описание Эфиопии, вкладывая его в уста Титанов, которые называют эфиопов *μελανοστέρφων γένος* — племенем людей с чёрной кожей (Dindorf fr.68, Nauck fr.389 = Scholia in Apoll. Rhod. IV, 1348). В других дошедших до нас фрагментах содержатся упоминания об Эфиопии, Мемноне, эфиопском акценте в речи одного из персонажей, об эфиопах-аборигенах — обитателях таинственной далёкой страны, о матери Мемнона, названной Киссией: в пропавшей трагедии «Мемнон, или Эфиопия» Эсхил восхищается красотой эфиопской женщины и отмечает эфиопский акцент в её речи — *αἰθίοπα φωνήν* (Dindorf, fr.128); в другом фрагменте (Dindorf, fr.139) воспевается народ Эфиопии; увеличение подробностей гомеровского мифа находим в пассаже о матери Мемнона Авроре, которая названа Киссией, именем, которое следует понимать как эпитет, указывающий на её происхождение (Dindorf, fr.140), а не как имя собственное, о чём известно из комментария Страбона, поясняющего, что мать Мемнона — киссиянка, а киссийцы были жителями Суз в Месопотамии (Strabo, XV, 728).

Последний фрагмент относится к известной только по названию трагедии *Psychostasin*, сюжет которой строился на споре Ахилла и Мемнона, их соперничестве и борьбе. Поллукс (Jul. Pollux IV, 130) описывает декорации к этой трагедии, дающие определённые дополнительные детали для реконструкции содержания и понимания пафоса трагедии. Действие пьесы разыгрывалось в двух ярусах сцены: внизу представлялась история греков, а наверху изображался мир богов, где мать Мемнона, богиня Аврора, молила Зевса о даровании победы её сыну, что можно истолковывать, как намёк на известную всем репутацию мифических эфиопов как богоизбранного народа, пользующегося особым покровительством бессмертных. Вообще эфиопский мотив, воплощённый в образе любимого гомеровского героя Мемнона, был излюбленной темой и у Эсхила, и у его предшественников —

поэтов-киклик, продолжателей гомеровской традиции, которые разрабатывали легенду о Мемноне — царе эфиопов, предводителя отряда эфиопов, союзников троянцев в войне с греками. Некоторые географические детали этой общей гомеровской традиции вошли впоследствии в ливийский логос геродотовой Истории.

В творчестве второго великого трагического поэта Греции — Софокла (495–405 гг. до н.э.) — также была продолжена гомеровская эфиопская тема, связанная с Мемноном. В недошедшей трагедии «Эфиопы, или Мемнон», которая известна лишь по незначительному фрагменту (Dindorf, fr.140) и по смутным аллюзиям у Гесихия, Фотия и Афиней, речь идёт о совете Нестора Антилоху перед его последней смертельной схваткой с Мемноном. Африканские мотивы — ливийская тема — есть ещё в трагедии «Электра» (vv. 701–702 — о двух ливийцах), в «Аяксе» и нескольких фрагментах⁷.

Ливийская тема отражена и у третьего из когорты великих греческих трагиков V в. до н.э. — Эврипида⁸. В трагедиях «Елена» (vv. 404, 768), «Троянки» (vv. 182, 544), «Ифигения в Авлиде» (v. 1036), «Алкестида» (v. 346), «Ипполит» (v. 684), «Вакханки» (v. 990) и фрагментах (напр., fr. 136, 230, 340, 475, 228 и др. — см. Индекс) упоминаются Ливия, ливийцы, эфиопы и Эфиопия, что свидетельствует о свободном владении африканской темой и интересе к ней автора и зрителей в греческом театре. Следует отметить, что и Эврипид эту тему вводит в мифологические контексты, не выходя за пределы мифологической гомеровской традиции и мифологической географии.

В произведениях комедиографов (в тех случаях, когда в них содержатся упоминания об эфиопах или Эфиопии) особую ценность африканские мотивы приобретают в силу того, что в этом жанре драматической литературы, намеренно «сниженном» в сравнении с высокой трагедией, документально отражалась повседневная жизнь греков, их нравы и обычаи, обиходные представления и уровень знаний об окружающем мире среднего гражданина греческого полиса.

В творчестве самого знаменитого комедиографа Греции Аристофана (445–388 гг. до н.э.) всегда преобладали поэтическое вдохновение и политические конъюнктуры Афин, определявшие полемическую остроту и актуальность его комедий в момент их представления в афинском театре. Мифология как предмет поэтической импровизации и тема пьесы интересовала Аристофана чрезвычайно мало. Его внимание при обращении к тем или другим африканским аллюзиям не сосредоточивалось ни на мифической истории, ни на собственно легендарной стране чёрных эфиопов, ни на традиционном эфиопском персонаже гомеровской традиции Мемноне. Однако присущая творческой индивидуальности Аристофана поэтичность, легко уживавшаяся с его полемичностью, язвительностью и гражданским темпераментом, привлекла его внимание к другому африканско-

му мотиву, также восходящему к Гомеру и разрабатывавшемуся поэтами после Гомера, — к мотиву перелёта стаи журавлей в Ливию (*Aves*, v. 65). Этот мотив был неразрывно связан в поэтической традиции с Африкой: с гомеровских времён эти птицы были обязательной приметой африканского пейзажа, а также тесно связывались с ливийскими пигмеями и эфиопами. Постоянный эпитет этих птиц — боязливые — предполагает известное знакомство с африканской фауной и показывает точность орнитологических наблюдений греков.

Аристофан говорит о «серых журавлях», тех самых, которые впервые упомянуты у Гомера в Илиаде (III, 2–6) в знаменитом пассаже о пигмеях, в страну которых в глубине Ливии и около берегов Океана (где находилась, кстати, и страна эфиопов) и прилетали эти птицы. Точность этой известной грекам с давней древности подробности о природе Африки подтверждается современной орнитологией, установившей, что зимнее обитание серых журавлей проходит в Судане. Кроме упомянутой африканской аллюзии, у Аристофана имеются ещё упоминания о Ниле — реке-символе Африки и Ливии в целом: «Облака» (v. 272), «Женщины на празднике Фесмофорий» (v. 855), «Птицы» (vv. 65, 710, 1136) и др. (см. Индекс источников). Аристофан, видимо, одним из первых использовал на роли раба или буффона эфиопа, о чём можно судить по сведениям об одной утерянной его комедии, передаваемым Алексисом (372–270 гг. до н.э.), автором, составившим веком позже Аристофана перечень комедийных сюжетов из 245 комедий⁹. Главный персонаж этой комедии по имени Агопис — чернокожий эфиоп.

И после Аристофана практика введения в комедии персонажей и исполнителей эфиопов поддерживалась неизменно. Африканская тематика всё глубже осваивалась драматическими поэтами, конечно, и в связи с распространением разного рода идей и теорий, которые иллюстрировались скифско-эфиопской антитезой (об этом ниже). Так, в одной неизвестной комедии Менандра (342–291 гг. до н.э.) говорится о том, что «человек не благородный по происхождению, даже если он эфиоп, может жить благородным образом»¹⁰.

Позже, в римской комедии, исполнительская и содержательная практика, диктовавшая желательность использования персонажей и исполнителей эфиопов, была широко представлена, что видно из комедий Теренция (*Eunuch*. I, 2, 85) и свидетельств римских поэтов — напр., Тибулла (II, 3, 55), Ювенала (VI, 599), Марциала (VI, 39, 8) — и по другим источникам.

В лирической поэзии африканские мотивы в значительной степени зависят от гомеровской и киклической традиций, чаще всего используются мифологические образы и темы.

Один из древнейших греческих лириков Мимнерм (VI в. до н.э.) создаёт образ Фаэтона, который на колеснице солнца скачет с запада Эфиопии, с крайнего юга мироздания, где солнце скрывается на ночь — fr.10. 5–11¹¹.

Симонид Кеосский (556–468 гг. до н.э.) в одном из недошедших дифирамбов использовал тему Мемнона, рассказывая, что герой явился из Суз, т.е., в той её версии, которая, будучи альтернативной гомеровской — об эфиопском происхождении Мемнона, предлагала считать родиной его Азию¹². Отметим, что азиатская версия имела широкое хождение наравне с гомеровской, что видно из упомянутого места из Эсхила, согласно которому мать Мемнона родом из Суз — Dindorf, fr.140.

В творчестве Пиндара (518–442 гг. до н.э.) темы Ливии, Нила и эфиопов представлены широко и впоследствии подробно комментировались схоластиками¹³. В его эпиникиях — одах, посвящённых победителям в олимпийских, пифийских, немейских, истмийских играх, настойчиво используется образ Мемнона как своего рода обязательный элемент в мифическом и эпическом контексте, призванный усилить пафос прославляемой победы в соревнованиях: Olimp. II, 90–91 (Мемнон — сын Авроры — и Ахилл), Pyth. VI, 30–35 (Мемнон и Антилох), Nem. III, 61–63 (эфиопы и Мемнон, их предводитель, «двоюродные» грекам, и Ахилл), Nem. VI, 49–53 (Мемнон и эфиопы в Троянской войне), Isthm. V, 40–42 (Мемнон во главе эфиопов), Isthm. VIII, 48 (Мемнон и Гектор).

Феокрит Сиракузский, поэт III в. до н.э., в своих идиллиях приводит всего несколько кратких аллюзий об эфиопах: Idyl. I, 2 — о долгоживущих эфиопах около скал блеммиев, где находятся истоки Нила, и Idyl. XVII, 87 — замечание о том, что империя Птолемея простирается до пределов чёрных эфиопов¹⁴. Однако, несмотря на краткость этих пассажей об Африке, здесь отразились самые современные для времени Феокрита географические и этнографические знания греков. Упоминание Нила и его истоков зависит не только от древней эфиопской темы, в которой Нил был олицетворением всего континента, но и от актуального для этого времени обострённого внимания к проблеме поисков истоков Африканской реки. Называемое имя негрского племени блеммиев также неслучайно, поскольку звучит как эхо обсуждаемых в это время в сочинениях его современников — географов и историков — вопросов о коренных жителях южной части Африки и, в частности, уточнением представлений об уже знакомом многочисленном и весьма воинственном и очень мобильном народе, воспринимаемом как часть эфиопов, — блеммиях, живших в верхнем течении Нила, в пустынях Ливии, в сердце Африки. О них, например, как известно из труда Страбона (Strabo XVII, 786), писал современник Феокрита Эратосфен.

Тема Нила встречается и у Каллимаха, уроженца Кирены (около 270 гг. до н.э.): Hymn. IV, 208 — Нил низвергается с гор Эфиопии. Кроме того, в соответствии с гомеровской традицией он не забывает и имя Мемнона,

говоря о Зефире, брате Мемнона Эфиопского, сыне Океана (Eleg. II, 52)¹⁵. Сюда же примыкает фрагмент из анакреонтического автора, возможно, самого Каллимаха, в котором рассказывается, что Дионис происходит из Эфиопии — fr.464¹⁶. Таким образом, поэты этого круга по-прежнему свои эфиопские экскурсы связывают с мифологическим контекстом.

В целом в лирической поэзии наблюдается верность гомеровской традиции (что остаётся актуальным даже ещё и в римской поэзии, например у Вергилия (Aeneis IV, 480; Georg. II, 116–120 — соответственно о Мемноне и эфиопах и о слоновой кости, и др. многочисленные гомеровские аллюзии) или у Овидия (Metamorph. II, 235 — о том, что Икар цветом кожи был эфиоп). Однако в III в. до н.э. появляются более конкретные данные об Африке, что отражается и на поэтических текстах, в которых просматривается интерес к естественно-научным, географическим (прежде всего к проблеме истоков Нила) и этнографическим вопросам, в частности к знакомству и классификации различных африканских этносов, особенно из глубинных районов Африки, считавшихся собственно страной эфиопов. Появление новых подробностей в тех же мифологических клише, иногда просто поговорок, показывает на материале поэтических произведений античности постоянное углубление знакомства с Африкой.

В связи с африканской темой в античной поэзии нельзя не назвать ещё одного выдающегося представителя эллинистического периода в истории греческой литературы — Аполлония Родосского, творчество которого относится ко второй половине III в. до н.э. Выходец из египетской птолемеевской столицы Александрии, где и прошла большая часть его жизни, Аполлоний соединял в своём творчестве занятия поэзией и наукой, что было характерной чертой поэзии эллинистического времени, поэтому в его знаменитой эпической поэме «Аргонавтика» достоверно отразились в максимально полном виде все достижения эллинистического научного знания его времени (что совсем не удивительно, если учесть, что он занимал должность директора Александрийской библиотеки).

Ученик Каллимаха, Аполлоний поссорился со своим учителем из-за разногласий во взглядах на возможность создания большой героической поэмы в духе Гомера или кикликов, что послужило, по античному преданию, причиной отъезда Аполлония на остров Родос, где он и провёл остаток жизни и получил потому прозвище «Родосский». Аполлоний опроверг доводы учителя и создал свою эпико-героическую поэму в духе героического эпоса Гомера и кикликов, встретив непонимание и осуждение со стороны поэтов, но интерес со стороны публики. Его сочинение было посвящено походу аргонавтов за золотым руном, что давало возможность организовать сюжет в форме маршрутного описания путешествия и приключений аргонавтов. При этом Аполлоний более или менее естественно мог поместить в поэму множество подробностей географического, этнографического и этиологи-

ческого характера, наряду с подробно разрабатываемыми им эпизодами мифологического характера, в которых он следовал древней традиции, рационализируя многие места легендарного предания в духе своего времени.

Именно такой характер его поэмы, сочетающий поэтическую традицию и эллинистическую учёность, определил «качество» его сведений об Африке, количество которых сравнительно невелико, но многие его показания содержат ценные уточнения в областях мифического африканского предания и реальных знаний о некоторых участках североафриканского побережья (главным образом, о районе Большого и Малого Сиртов, озера и реки Тритон и др. мест, куда вынуждены были приплывать аргонавты в своём путешествии, которое, кстати, даёт абсолютно точное описание реальных плаваний мореходов Средиземноморья в восточной части моря к берегу Африки). Поэтому из «Аргонавтики» мы получаем достаточно много сведений о Ливии, Сиртах и других географических пунктах севера материка, а также о ливийцах и античных ливийских божествах и духах, гарамантах — самом могущественном народе этого региона северной Африки, упоминания об эфиопах и другие подробности, не позволяющие проигнорировать этот источник.

Среди прозаических жанров античной художественной литературы, являющихся источником небезыntenесных сведений об Африке, следует назвать произведения баснописцев и паремииографов (авторов пословиц). В жанрах пословиц и басен хорошо отразился и общий уровень знаний греков об эфиопах и, главное, восприятие их общественным сознанием и отношение к африканцам в повседневной жизни.

Африканские мотивы в пословицах немногочисленны; в частности, наиболее частой темой является обыгрывание наружности эфиопов и цвета их кожи. Мотив «отмыть эфиопа добела» — основной «африканский» мотив античных пословиц. Эту пословицу можно найти во всех сборниках: у Макария (V, 50), Диогениана (I, 19), Апостолия (I, 68)¹⁷. В других пословицах говорится о нравах ливийцев и эфиопов (Николай¹⁸), или о том, что «узнают эфиопа по его лицу» (Apostolios VI, 90).

Среди баснописцев, разумеется, хронологически и по значению, и популярности, на первом месте стоит полуполегендарный Эзоп, живший и творивший, согласно античной традиции, в VI в. до н.э. Сочинения его дошли в позднейшей фиксации у Деметрия Фалерского (III в. до н.э.). Его басня «Эфиоп», главный персонаж которой — чернокожий раб, представляет собой иллюстрацию к пословице о том, что эфиопа не отмоешь добела¹⁹.

Эфиопские мотивы интересно представлены в особой группе произведений античной художественной литературы — в сочинениях жанра античного романа. Античные романисты с I в. н.э., с романа об Антии и Габрокоме Ксенофонта Эфесского до позднейших авторов — Евстафия, Гелиодора и Ахилла Татия²⁰, большое место отводили эфиопам и их стране. Сведения,

в этих произведениях содержащиеся, самого разного характера, часто относящиеся к области вымысла, иногда повторяющие некоторые мифологические представления, восходящие к древней «африканской» традиции идеализирующего и сказочного характера, но наряду с этим и вполне отражающие уровень современного знания об этих удалённых местах Африки и её жителях, природе их страны, её животном мире, природных богатствах, верованиях и нравах. Кроме всего прочего, африканская тема античного романа позволяет с большой степенью достоверности понять место Эфиопии в обыденном массовом сознании и философских, социальных и политических теориях античности.

Группа источников, входящих в рубрику научной (нехудожественной) литературы, чрезвычайно объёмна и многожанрова и содержит подавляющую массу сведений об Африке.

Африканская проблематика разрабатывалась в них в самых разных направлениях и контекстах, актуальных для античного научного знания, в результате чего в этой группе источников собраны сведения, имеющие отношение как к вопросам географии Африки, этносам, её населяющим, изучению их обычаев, образа жизни и установлений, африканской истории, так и к области естественно-научной с её интересом к природе в широком смысле слова: растительному и животному миру, природным богатствам, климату и т.д.

В связи с уже отмеченной зыбкостью границ между отдельными жанрами античной научной литературы возможно лишь условное причисление того или иного автора к одному из жанров, что неудивительно, учитывая синтетический и универсальный характер древней науки. Важно отметить только то, что представители античного научного знания с момента его возникновения и на всём протяжении существования до конца античности активно разрабатывали африканскую тематику, способствуя процессу изучения и познания южного континента.

Один из первых профессиональных учёных Греции — логограф конца VI — начала V вв. до н.э. Гекатей Милетский, родоначальник античной географии и истории, в своём не дошедшем полностью сочинении Περίοδος γῆς — Обход Земли — выработал связную и цельную картину мира, основанную на всей совокупности знаний своего времени. Как теоретик — географ и картограф, он оказал сильнейшее влияние на позднейших авторов, которые обильно цитировали его, ссылаясь на его авторитет, хотя в последующие эпохи, с накоплением реальных знаний о мире, и вступали с ним в полемику. Африка в гекатеевой картине мира, описанной в его труде, состоявшем из двух книг, посвящённых трём частям Земли — Европе, Азии и Ливии, описывалась как крайняя южная часть мира, знания о которой у Гекатея были ещё сравнительно невелики, большая их часть представляла

собой мифологические и сказочные подробности, но сведения отражали уже реальное знакомство греков с этой частью света.

Гекатей известен нам по цитатам в античной литературе и собраниям фрагментов греческих историков Ф. Якоби и К. Мюллера²¹. Кроме общих сведений о Ливии и данных по лучше и дольше знакомым районам Северной Африки, в ряде мест гекатеяевского сочинения содержатся некоторые сообщения о географии и «городах» Эфиопии, упоминаются названия эфиопских племён, говорится о пигмеях, живущих за крайними границами Египта около Океана (ср. FHG, fr.265 /sciapodes — эфиопское мифическое племя «тененогих» — людей с огромными ступнями, которыми они прикрывались от палящего солнца/, fr.266 /пигмеи/, fr.267 /об острове Nysaias в Эфиопии/, fr.268 /о мармаках, эфиопском племени/, fr.320 /о городе Ianxuatias в Ливии, населённом чёрными эфиопами и египтянами/). По реконструируемой карте Гекатея, «глубина» африканского континента чрезвычайно мала, а его очертания полностью произвольны, за исключением небольшого участка средиземноморского побережья, издавна освоенного греками.

Через полтора столетия после Гекатея, в карте мира Дикеарха (355–285 гг. до н.э.) протяжённость Африки уже продлена далеко на юг, гораздо выше Сиены (Jacoby, FGrH III B, p.1, 195, 262, 305, 370, 696)²².

От величайшего географа античности Эратосфена (284–192 гг. до н.э.) дошли только отдельные фрагменты и многочисленные ссылки на него в античной литературе. Эратосфен, уроженец Кирены — первого греческого города на африканской земле, был библиотекарем Александрийской библиотеки, и его авторству принадлежит одна из первых карт мира с долготными и меридиональными измерениями земли. Как и его сочинения, карты также не сохранились, но имеющиеся реконструкции показывают значительный прогресс в знаниях об Африке в сравнении с начальными этапами её изучения²³.

В контексте рассматриваемой темы следует назвать также имя знаменитого географа II в. до н.э. Гиппарха Никейского (190–120 гг. до н.э.), который синтезировал теории греков и вавилонскую географическую традицию, используя при картографировании геометрическую проекцию. Его утраченные сочинения известны благодаря его последователю, Посидонию Апамейскому, адаптировавшему его труды²⁴. Правда и сочинения Посидония (около 100 г. до н.э.) не дошли, но известны благодаря очень обильному цитированию и подробному изложению у Страбона, а также по сохранившимся в других местах фрагментам²⁵. Посидоний был чрезвычайно плодовитым автором множества разнохарактерных сочинений и оказал огромное воздействие на последующую науку. С научными целями он много путешествовал: объездил весь Запад, был в Египте, производя географические, астрономические и этнографические наблюдения. Его географические и астрономические изыскания (о шаровидности Земли и об океане), а также

исследования исторического и этнографического характера, отразившиеся в огромной «Истории» в пятидесяти двух книгах, являвшейся продолжением труда Полибия, давали много нового для изучения Африки и создания более точного, научно строгого представления о ней (у него были сведения о ливийских реках, разливах Нила, полезных ископаемых, египтянах и эфиопах, Геракловых Столпах и форме Ливии и т.д.).

Наиболее близко были связаны с географическими трудами Посидония Гемин Родосский (70-е годы до н.э.) и Марин Тирский (середина II в. н.э.), также сообщавшие об Африке²⁶.

Другие авторы-географы, описывающие или упоминающие Эфиопию, также в основном известны нам по фрагментам их сочинений, но их сведения чрезвычайно интересны и полезны. Назовём несколько имён: Харон Лампсакский (около 400 г. до н.э.), Далион (около 300 г. до н.э.), Аристокреон (III в. до н.э.), Бийон из Сол (III в. до н.э.), Симонид Младший (III в. до н.э.), Марцелл (конец III в. до н.э.)²⁷. В сочинениях авторов этого круга встречаются важные подробности и новые сведения о глубинных районах Африки: например, Филон, автор III в. до н.э., описал путешествие по морю вблизи Эфиопии (FGrH III C, п.670, р.283; Strabo II, 1, 20), а псевдо-Демокрит сообщает об иероглифах Мероэ (FGrH III C, п.672, р.284).

Большую роль в изучении Африки сыграл знаменитый александрийский математик, астроном и географ I в. н.э. Клавдий Птолемей, во многом, несмотря на имевшиеся в его теории заблуждения, подытоживший наблюдения античной географии и астрономии и создавший чрезвычайно подробную карту мира и Африки. Его собственные сведения в совокупности с данными по Африке и Эфиопии, накопленными предшественниками, позволили ему назвать наибольшее количество этнонимов африканских автохтонов, а также сведений о различных географических пунктах и поселениях не только на севере материка, но и в глубинных районах, в Эфиопии, как на востоке, так и на западе; ему принадлежит также систематизация основных географо-этнографических областей континента от Дельты Нила до крайнего запада вдоль средиземноморского побережья и, в южном направлении, глубинных районов с негроидным населением. Для проблем античной Эфиопии решающее значение имеют два сочинения Птолемея: «География» в восьми книгах и «Четверокнижие», сильно связанное в теоретическом отношении с Посидонием²⁸.

Обзор географического жанра античной научной литературы невозможен без обращения к «Географии» Страбона, крупнейшего учёного писателя римского времени, содержание сочинения которого выходит далеко за рамки чистой географии, что даёт возможность рассматривать его и как представителя исторического жанра. Помимо того, что Страбон сохранил важные фрагменты из утраченных географических и исторических сочинений, посвящённые Африке и Эфиопии, он добавляет в подытожи-

ваемую им традицию и множество собственных данных, полученных им непосредственно в результате автопсии во время нескольких экспедиций в Африку, а также сведения, добытые современными ему путешественниками и исследователями. Поэтому содержащиеся у Страбона сведения по Эфиопии и эфиопам имеют особую ценность (об изданиях Страбона и о его известиях — ниже).

Первое место среди авторов античного исторического жанра по праву принадлежит «отцу истории» Геродоту, с которого в отличие от практики предшествовавших логографов (включая самого великого из них — Гекатея) возникает рационалистическая критика тех мифологических преданий и непроверенных сведений, которые в начальный период жизни письменной истории с полной верой принимались за действительные факты и события. Разумеется, Геродот также несвободен от предшествующей традиции и часто повторяет совершенно неправдоподобные и просто сказочные сведения о людях и событиях, но он добросовестно предупреждает читателя, что передаёт всё, что слышал, но верить всему совершенно не обязан (II, 123; IV, 195; VII, 152). Геродот стремится к максимально полному учёту всех свидетельств, приводит все имеющиеся в его распоряжении версии, если они отличаются друг от друга; он использует разнообразные приёмы для добывания необходимого материала — привлекает письменные свидетельства предшественников, слушает и расспрашивает, сам путешествует, и на основании автопсии делает необходимые наблюдения и выводы²⁹. Метод Геродота и объём его известий о Ливии и Эфиопии делают его сочинение одним из важнейших источников по данной проблеме не только потому, что оно даёт исчерпывающую сводку всего известного античному миру об Африке в V в. до н.э., но и потому, что вся последующая историческая традиция усердно пользовалась его трудом, повторяя его или полемизируя с ним, но в любом случае ориентируясь на его авторитет.

В хронологическом ряду исторической литературы выделяются последовательно четыре имени (и соответственно четыре эпохи), с качественно разнящимся объёмом знаний о «Чёрной» Африке. Первая фигура — Геродот (480–425 гг. до н.э.), подытоживающий в своём труде всё известное к последней четверти V в.; далее — Агатархид Книдский, важнейший автор по Эфиопии для II–I вв. до н.э.; затем — Диодор Сицилийский (91–21 гг. до н.э.), наконец — Страбон (64 г. до н.э. — 20 г. н.э.), книга которого, отделённая от времени Геродота четырьмя веками, представляет собой компендиум всего известного об Эфиопии античному миру к I в. н.э. О каждом из этих авторов можно сказать, что они дают наиболее представительные и исчерпывающие для своего времени сводки материалов, отражающие объём сведений античности о континенте и его населении в соответствующие исторические периоды.

Геродотовы сведения об эфиопах и их стране³⁰ находятся преимущественно в соприкосновении с египетским (II книга Истории) и ливийским (IV книга) логосами, хотя некоторые эфиопские пассажи и аллюзии содержатся и в других местах (III и VII книги). О характере данных может дать представление одно только перечисление тематики его сообщений: в египетском логосе (II, 28–34, 38, 100, 104, 110, 134, 176) содержится описание Эфиопии и истоков Нила, мест жительства эфиопов, путешествия насамонов в страну малорослых людей, упоминание крокодилов, об использовании при бальзамировании эфиопского камня, о пирамиде Микерина и колоссе в Мемфисе, сделанных из эфиопского камня, о восемнадцати эфиопских царях в Египте, о практике обрезания у эфиопов и египтян, о Сесострисе — единственном египетском царе, правившем Эфиопией. В книге третьей (III, 17–25, 94–97, 101, 114) сообщается о макробиях — долгоживущих эфиопах, самых красивых и лучших из всех людей, о «солнечном столе» эфиопов, об их стране и обычаях, о золотых оковах, пище и питье, гробницах из стекла и мумиях покойников, наконец, об отказе Камбиса от похода на эфиопов; о различиях эфиопов Африки (Ливии) и Азии, о том, что семя эфиопов, как и индийцев, чёрное, и что эфиопы живут напротив Куша. В IV книге истории, за пределами ливийского логоса (168–197), где даётся описание Северной Африки и ливийских народов, их занятий и обычаев, имеются следующие сведения (IV, 41–44, 183, 196–197): описание Ливии как части света, экспедиция финикийцев по приказу фараона Нехо вокруг Африки — из Красного моря, с возвращением в Египет через Геракловы Столпы; об эфиопах — соседях гарамантов, о четырёх народах, населяющих Африку: автохтонах — ливийцах и эфиопах, и иностранцах — финикийцах и греках. Ещё в одном месте (VII, 69–70) рассказывается об эфиопах в армии персов, их отличии от азиатских эфиопов, их вооружении и способе украшать тело гипсом и киноварью.

Даже тезисное перечисление геродотовых сведений об Эфиопии показывает всю широту интереса греков к разным сторонам жизни обитателей этой страны и достаточно большое количество свидетельств о ней.

Многие греческие историки знают об Эфиопии, но сообщают о ней чрезвычайно скупое, иногда давая только упоминание, необходимое, по их мнению, в связи с конкретным содержанием их сочинения. Эти упоминания, однако, имеют важное значение, поскольку за ними можно рассмотреть гораздо больший объём информации об Африке, чем автор считает необходимым сообщить.

Так, Ксенофонт (429–355 гг. до н.э.) в «Киропедии», описывая границы империи Кира, сообщает, что на юге персидская держава соседствует с Эфиопией (Cynopaedia VIII, VI, 21).

Эфор (363–300 гг. до н.э.) — автор универсальной истории, охватывающей время с 1104 по 340 гг. до н.э. Страбон (Strabo I, 59), вспоминая из-

вестное место из Гомера (*Odys. I, 23*) и комментируя его, приводит место из Эфора, согласно которому эфиопы обитают в меридиональном регионе земли и места обитания их гораздо суше, чем у индийцев или кельтов (*FHG I, p.244*). Это свидетельствует о том, что Эфиопия с её климатическими особенностями была настолько хорошо известна, что её называли в качестве примера в сопоставлении разных регионов мира для иллюстрации положений климатической теории.

Тимей (IV–III вв. до н.э.) упоминал Африку как третью часть света, наиболее пустынную (*Tim. fr.134 — FHG I, p.226*).

Полибий (210–125 гг. до н.э.), один из наиболее авторитетных античных историков, часто цитировавшийся последующими писателями, много внимания в своих трудах уделял Африке, которая была ему известна и по литературным источникам, и по собственному впечатлению. В составе его монументального труда описанию континента была посвящена не дошедшая до нас XXXIV книга — «Объезд Африки», содержащая сведения, основанные на автопсии. В одном из сохранившихся мест своей «Истории» Полибий утверждал, что никому не известно, омываются ли части Африки за экватором морем, или они граничат там с какой-то сушей (III, 38). Это место показывает научную добросовестность Полибия, не берущегося утверждать факты, им самим не установленные, и даёт представление об одной из глобальных теорий того времени, демонстрирующей незнание греками частей Африки, лежащих южнее экватора. Сведения о путешествии Полибия по Африке (а значит, и представление о содержании утерянной «африканской» части его труда) имеются в резюме Плиния Старшего (*Plin. N.H. V, 1–10*)³¹. В сохранившихся книгах Полибия есть множество сведений о Северной Африке, особенно о нумидийцах.

Интересные данные об Эфиопии, Ниле и эфиопах дают сочинения историка III в. до н.э. Арриана, который сравнивал природные условия, флору и фауну Индии и Эфиопии, а также сопоставлял физический тип индийцев и негроидных эфиопов и образ жизни тех и других, демонстрируя хорошее знакомство с предметом³².

Ценным источником по Эфиопии является «Перипл Эритрейского моря» Агатархида Книдского (II–I вв. до н.э.), резюме которого имеется у Диодора Сицилийского и Фотия в «Библиотеке»³³. Агатархид был в Египте при дворе Птолемея и совершил путешествие на юг, где изучил язык эфиопов. Его сведения об эфиопах и их стране разнообразны и достоверны и содержат данные по флоре и фауне южных районов Африки, а также о населении, его занятиях и некоторых установлениях³⁴. Сведения Агатархида часто использовали другие историки, высоко оценивая его достоверность (*Diodor. III, 11; Strabo XVII, 789, 816; Plin. N.H. V, VI; Iosephus Flavius, Contra Apion. I, 8*).

У сицилийца Кратеса (II в. до н.э.) в комментарии к гомеровскому месту об эфиопах (Hom. Odys. I, 22–26) содержится важное уточнение о двух группах эфиопов, одни из которых живут в Азии (Леванте), а другие — в Африке (в Куше и дальше к югу в самых отдалённых областях тропической зоны)³⁵.

Важные сообщения по вопросу установления течения Нила и относительно Восточной Африки содержал труд Артемидора Эфесского, географа конца II–I вв. до н.э., который пользовался такой же известностью, как и его тёзка Артемидор Эфесский во II в. н.э. (автор знаменитой «Онирокритики» — толкователя снов — интересного источника для реконструкции характера античного обыденного сознания и представлений, дающего, кстати, также некоторые сведения о предрассудках античности, связанных с эфиопами). Артемидора Эфесского (GGM I, 566, 31; 574 sqq.) часто цитировали в последующее время (Diodor. III, 11; Strabo XVI, 769).

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) — один из ценнейших источников по античной Эфиопии, аккумулировавший в себе всю имевшуюся в распоряжении науки того времени информацию по «Чёрной» Африке³⁶. Литературная деятельность Диодора, уроженца сицилийской Агиры, пришлась на эпоху Юлия Цезаря и Августа. Он путешествовал, посетил Египет — заповедную страну, где античные авторы издревле получали основную массу своих знаний об Эфиопии (Diodor. III, 11). Огромный по величине, его труд охватывает время от основания Рима до Юлия Цезаря, описанное в сорока книгах, от которых сохранилось всего пятнадцать (I–IV и XI–XX) и фрагменты. Тем не менее и сохранившиеся свидетельства Диодора дают много интересного (I, 33 — о Мероэ; I, 54 — о Сесострисе в Эфиопии; II, 14–15 — об экспедиции Семирамиды против эфиопов, об обычаях эфиопов; III, 38–74 — большой экскурс, посвящённый Эфиопии).

Страбон (63 г. до н.э. — 23 г. н.э.), выходец с Понта, большую часть жизни провёл в Риме, однако совершил несколько экспедиций в Египет, поднимаясь вверх по Нилу вплоть до самой Эфиопии (XVII, 818), что придаёт всем его сведениям об эфиопах особую ценность. Семнадцать книг, составляющих его универсальную «Географию», представляют собой в жанровом отношении синтез исторического и чисто географического (описательного и теоретического направления) сочинений³⁷. Африканская тематика универсального характера (от теоретических проблем географического и естественно-научного содержания до вопросов этнического состава, этнографии и социально-политического состояния автохтонных африканских народов) представлена в «Географии» не только в синхронном срезе, но и в диахроническом развитии, поскольку Страбон учитывает и использует сведения всех своих предшественников начиная с Гомера (укажем только собственно «эфиопские» места, не затрагивая других ливийских пасса-

жей: I, 1–2 — комментарий к гомеровскому рассказу об эфиопах; II, 3 — об Эфиопских горах; XVI, 769–775 — о племенах эфиопов; XVII, 785–829 — обширное описание Эфиопии и эфиопов, повествующее о флоре и фауне эфиопских стран, полезных ископаемых и природных богатствах, климате, городах и населении, их обычаях и занятиях). Количество и характер эфиопских свидетельств Страбона позволяют отчётливо представить реальный объём знаний античного мира об Эфиопии к первой четверти I в. н.э. и с полным основанием считать этот источник одним из основных как по содержанию, так и по достоверности.

Особую жанровую подгруппу греческих историко-географических письменных источников составляют периплы (оплывы), как называли сочинения, описывавшие морские путешествия вдоль берегов. Свидетельства моряков — периплы — и путешественников по суше — обходы земли (*περίοδος τῆς γῆς*) — широко использовались авторами исторических и географических сочинений. Большинство периплов нам известны благодаря обильному цитированию в трудах Геродота (II, 16; 20–23; IV, 42), Агатархида (GGM I, 11–195), Диодора (Diodor. III, 11), Страбона (Strabo XVII, 789–790; 816).

Подробности и редкие сведения о негрской Африке в периплах представлены в гораздо большем объёме, чем в других сохранившихся записях путешественников, поскольку часто им удавалось познакомиться с такими районами Африки, куда не могли проникнуть в пешем путешествии.

Основные периплы Африки, датирующиеся периодом от VI до середины II вв. до н.э. и хорошо известные античным учёным, следующие: Нехо, Ганнона, Скиллакса Кариандского и Полибия. Подробный перипл Эритрейского моря, содержащий важные сведения о красноморском побережье и некоторых районах Восточной Африки, относится уже ко II в. н.э., когда эти районы были уже освоены и по сухопутным путям.

В силу особой важности этого рода источников для изучения самых труднодоступных районов Чёрной Африки, перечислим все известные периплы в их хронологической последовательности.

Перипл Нехо (609–593 гг. до н.э.). Об этом самом древнем морском походе вокруг африканского материка из Красного моря в южном направлении и с возвращением через Гибралтарский пролив и Средиземное море в Египет, совершённом по приказу фараона Нехо финикийскими мореходами (действительно бывшими самыми знаменитыми мореплавателями Средиземноморья), сообщает Геродот (IV, 42).

Перипл Ганнона (конец VI в. до н.э.). Был совершён царём Карфагена, который был одновременно мореходом, вместе с ливийцами за Столпы Геракла вдоль западного побережья Африки вплоть до Гвинейского мыса (*Κόλπος Νότου Κέρρας*). Этот перипл был известен грекам в переводе с пунийского оригинала уже в очень раннее время (GGM I, p.1–14 с ком-

ментариями и пролегоменами о Ганноне Карфагенском р. XVIII–XXIII). Сохранилась и античная карта этой экспедиции (GGM I, Tab.). Перипл Ганнона упоминают и используют многие авторы (Plin. N.H. II, 69; Pomp. Mela III, 93; Plin. N.H. V, 8; Arrian., Ind. 43, 11–12; GGM I, p.369 M; GGM I, p.565 M). За Столпами Геракла Ганнон с карфагенянами основал города ливо-финикийцев (nn.1–18: напр., Thymiaterion, Gytte, Acra, Melitta, Arambis), а по пути видел на побережье много диковинного — слона, «диких» эфиопов, живущих по соседству с ликситами-номадами, расположившимися вдоль большой реки Ликс, узнал о том, что в горах обитают племена троглодитов и пр. В целом здесь множество интересных известий о местах, которые на карте и много времени спустя продолжали оставаться белыми пятнами.

Перипл Скиллак(с)а Кориандского (521–486 гг. до н.э.). Это перипл западного побережья Африки, совершённый от Суэцкого перешейка вдоль всего средиземноморского побережья, а затем, после выхода в Атлантический океан (за Столпы Геракла) — вдоль западного побережья. Это плавание упоминается часто — Herod. IV, 44; GGM I, 52–53; 81, 96; FHG III, 183; FGn III C, n.709.

Перипл Сатаспа (486–465 гг. до н.э.). Был совершён персом Сатаспом в царствование Ксеркса из Египта до Геракловых Столпов, а затем прямо на юг до мыса Солуэнт, о чём сообщает Геродот (IV, 43).

Перипл Неарха (между 327 и 325 гг. до н.э.). Неарх, друг Александра Великого и адмирал его флота, спутник Александра во время похода в Индию, совершил несколько исследовательских морских экспедиций вдоль берегов Индии и Аравии. Незадолго до своей смерти Александр поручил Неарху совершить путешествие для открытий на побережьях вдоль Аравии и Африки, которое осталось не осуществлённым по причине смерти царя. О морских экспедициях Неарха сохранились сообщения у Арриана (Arr. 7, 19 sqq., 25) и Плутарха (Plut., Alex. 75).

Перипл Эвмена из Массилии (около 320 г. до н.э.). Известно, что этот мореплаватель совершил плавание вдоль западного побережья Африки; конечный его пункт неизвестен (Doxographi graeci. ed. H. Diels. p.385, 634).

Перипл Полибия (145 г. до н.э.). Сообщение об этом плавании вдоль западного побережья Африки содержится у Плиния (Plin. N.H. V, 1), который излагает сведения Полибия об эфиопах, фарусиях, реке Ликс, Дарате, гиппопотамах³⁸.

Перипл Эвдокса из Кизика (116–106 гг. до н.э.). Посвящён плаванию вдоль западного берега Африки; известия о нём сообщают Страбон (Strabo II, 98), Плиний (Plin. N.H. II, 67), Помпоний Мела (Pomp. Mela III).

Перипл Агатархида Книдского (около 110 года до н.э.). Его маршрут проходил из Египта по Эритрейскому (Красному) морю, по-видимому, с

выходом в Индийский океан и экспедицией к берегам Восточной Африки. О нём сообщают Диодор (Diodor. III, 11) и Фотий (PG CIV, 1–7).

Перипл Артемидора (около 100 г. до н.э.). Описывает морскую экспедицию по Красному морю — главному узлу афро-азиатской и афро-азиатско-средиземноморской торговли (Strabo XVI, 774).

Перипл Красного моря (конец I — начало II вв. н.э.). Перипл содержит много сведений, полученных во время плаваний по Красному морю и Индийскому океану на юг, примерно до острова Занзибар — GGM I, 257 sqq.

Характерная особенность античной исторической и географической традиции — ориентировка на авторитет предшественников и склонность к повторению и компиляции собранных ими сведений — обеспечила не только живучесть самой этой традиции, но и сохранение многих ранее собранных материалов, которые находились зачастую в книгах, безвозвратно утерянных. Поэтому так полезны труды исторического и географического жанров на греческом и латинском языках римской эпохи, в которых наряду с новейшими знаниями об Африке отражены и сведения греческих авторов предшествующего времени.

В сочинениях Юбы (50 г. до н.э. — 23 г. н.э.) содержится много цитат из Афиней, Диона Кассия, Плиния Старшего, Татия и Аммиана Марцеллина (FGrH III A, n.275, p.127–155). Среди его сообщений об Эфиопии можно назвать пассаж, восходящий к сочинениям Плиния и Аммиана Марцеллина, о стране Эфиопии (p.142 sqq.); об эфиопской фауне — слонах, львах, змеях и птицах (p.146); флоре (p.149–150); жемчуге и драгоценных камнях (p.150–151); относительно обычаев эфиопов (p.151–155).

У Помпония Мелы (около 30–40-х годов н.э., во времена Калигулы и Клавдия) в его компилятивном сочинении под названием «Хорография» или «О местах земли» (Chorographia = De situ orbis) в трёх книгах представлены excerpts и пересказы таких авторов, как Эфор, Геродот, Гиппарх, Корнелий Непот, и даётся сжатая версия перипла Ганнона³⁹. Большая часть его сведений касается Северной Африки: I, IV — об Африке в целом, I, V — о Мавретании, I, VII — о Римской Африке, I, IX — о Египте и первой части Азии; однако III, IX и X посвящены «Чёрной» Африке в целом, а также западному побережью континента.

Филон Александрийский (25 г. до н.э. — 50 г. н.э.) — иудейский александрийский философ, стремившийся использовать разные школы античной философии в создававшейся им самой философской системе, сохранил ряд «эфиопских» свидетельств в своих сочинениях⁴⁰. Разного характера сведения об Эфиопии у Филона представляют безусловный интерес: Philon. I, 83, 13; II, 98, 18; IV, 143, 2; VI, 128, 13; Comment. Allegor. I, 77, 10; 78, 23; 79, 4; 103, 18–23).

Важные свидетельства в связи с эфиопами дошли в произведениях еврейского историка римского времени Иосифа Флавия (37–100 гг. н.э.): *Antiquit. Iudaic.* II, 10; 16; VIII, 10, 3; *Bellum Iudaic.* II, 16; *Contra Apion.* I, 8–10; 22).

В связи с последними двумя авторами упомянем такой значительный разновременный источник, как тексты Библии, в полной мере отражавшие знакомство с эфиопской линией в античной письменной традиции. Этот источник — отдельная тема для исследования, однако было бы ошибкой оставить его совсем без внимания. Теме Куша и эфиопов-кушитов посвящены следующие места: *Gen.* II, 13; X, 7–8; *Isaia XVIII*, 1; *XLIII*, 3; *XLV*, 14; *Ezeck.* XXIX, 10; *Esth.* I, 1; VIII, 9; *Ierem.* XXXVIII, 7–13; *XLVI*, 9; *Num.* XII, 1 sq.; *Ps.* 68, 32; 87, 4; *Iob.* XXVIII, 19; *Acta Ap.* VIII. Сведения о Египте и Африке содержатся и во многих других местах, например: *Iudith.* I, 9; *Esther* I, 1; VII, 9; XIII, 1; XVI, 1 sq.; *Ezeckil.* XXIX, 10; *Isaia XXXVII*, 9 sq.; *Ierem.* XXXVIII, 7–13⁴¹.

В ряду памятников научной античной литературы выделяются труды греческих философов, многие из которых обращались к эфиопской теме в своих сочинениях. Философские трактовки этой темы греческими мыслителями во многом определяли и сам процесс греко-африканских контактов и отношение античности к варварам — африканцам. Помимо этого, упоминания об эфиопах и их странах в философских трудах, равно как и в других памятниках письменности, дают представление об уровне знакомства с Африкой в соответствующее время. Здесь уместно ограничиться лишь двумя именами философов, сыгравших решающую роль в становлении двух типов отношения античности к эфиопам, а именно: Ксенофана и Аристотеля. Что касается других имён, то их сочинения, безусловно, учитываются в общем корпусе античных источников по Африке в зависимости от наличия в них африканских мотивов, поскольку они встречаются отнюдь не у всех авторов. Например, у великого афинского философа Платона (429–347 гг. до н.э.) очень мало упоминаний об эфиопах, вроде случайного замечания, что они вместо денег пользуются гравированными камнями (*Plato, Eryxias* 400b).

Ксенофан Колофонский (570–480 гг. до н.э.) — философ, поэт и рапсод, учитель Парменида и современник Пифагора, был первым, кто в античной традиции использовал ставшую впоследствии общим местом антитезу «скиф — эфиоп», при помощи которой иллюстрировал тезис об условном характере понятия красоты. Эта антитеза, подразумевающая представление о зависимости физического типа человека только от природных и климатических условий, легла в основание позднейших античных теорий — климатической и об изначальном равенстве всех людей, которые сыграли решающую роль в формировании толерантности греков в их отношении к не-грекам, их принципиальную терпимость к расовым различиям.

Популярность названного эфиопско-скифского сопоставления Ксенофана (fr.16)⁴² была чрезвычайной: его постоянно цитировали и использовали в теоретических построениях позднейшего времени.

У величайшего философа античности Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) интерес к эфиопам и Эфиопии был чрезвычайно велик, что подтверждается большим количеством африканских тем и известий в его трудах. Именно из сочинений Аристотеля нам известна античная поговорка, согласно которой «Африка всегда приносит что-нибудь новое» — καὶ λέγεται δὲ τις παροιμία, ὅτι ἀεὶ Λιβύῃ φέρει τι καινόν (Aristot., Hist. anim. VIII, 606b, 17 sqq.) — в латинской версии — «semper aliquid novi Africam adferre» (Plin. N.H. VIII, 16, 42)⁴³. Аристотель, вспомнивший её в связи с рассказом о многообразии животного мира Африки (вне зависимости от того, вкладывал ли он в неё негативный смысл, имея в виду, что это новое — нечто страшное или плохое), фактическим своим творчеством показывает, что за «африканскими новостями» он следил внимательно и заинтересованно, неизменно привлекая свидетельства из различных областей «африканистики»: у него есть данные о природе, флоре и фауне Африки, о её населении, подробностях социальной жизни, об особенностях антропологического типа эфиопов и др. Эта сторона его творчества, подчинявшаяся только любознательности и добросовестности учёного естествоиспытателя и философа, не зависела от его теории о рабстве по природе и антагонистической концепции двух миров — греческого и варварского, на основе которой античный мир выработал вторую из упомянутых линий в отношениях к варварам (в том числе, естественно, и к эфиопам) — ксенофобскую линию нетерпимости и враждебности. Объём известий по Эфиопии у Аристотеля велик, а содержание их, как отмечено, разнообразно: он сообщает, что расстояние от Эфиопии до Меотидского озера и до скифов равно расстоянию от Столпов Геракла до Инда (Meteorolog. I, 5), что для климата Эфиопии характерны ураганы (Meteorolog. I, 12); передаёт историю о том, что некая эфиопка и сицилиец родили ребёнка, который не был чернокожим, но когда у него, в свою очередь, родился ребёнок, то он был эфиопом по наружности (De generat. animal. I, 18); опровергает утверждение Геродота (III, 101) о том, что семя у эфиопов чёрное (Hist. animal. II, 2); указывает, что воздух в Эфиопии сухой (Hist. animal. V, 3); рассказывает о змеях Эфиопии (Hist. animal. I, 5); описывает наружность эфиопов, отмечая их чёрную кожу, белые зубы, тёмные ногти и курчавые волосы (Hist. animal. III, 9); объясняет, что молоко чёрных женщин такое же, как у белых (Hist. animal. III, 12); рассказывает, что овцы и козы в Эфиопии живут очень долго (Hist. animal. VI, 19); проявляя интерес к социальной жизни и обычаям, повторяет известие о том, что цари эфиопы избирают по их красоте, силе и росту и т.д. Вся совокупность его знаний об Африке даёт верную картину знакомства греков с негрской Африкой в эту историческую эпоху.

Сведения об Эфиопии содержатся у авторов — мифографов, доксографов, грамматиков и медиков, представляющих другие нехудожественные жанры античной литературы.

Авторы медицинских сочинений известны преимущественно по собранию медицинских текстов, носящему название Гиппократова сборника — по имени великого врача древности Гиппократ Косского (460–372 гг. до н.э.)⁴⁴. Многие сочинения, входящие в сборник и приписываемые Гиппократу, принадлежат другим авторам — его ученикам и последователям, которых объединяет принадлежность к школе Гиппократ. Так, одно из сочинений Гиппократова сборника — «О воздухе, водах и местностях», третья часть которого, посвящённая отдельно Африке, не сохранилась, принадлежало не самому Гиппократу, а автору, получившему имя псевдо-Гиппократ. Эфиопские известия авторов-медиков относятся в основном к описаниям природно-климатических особенностей Африки и различных фармацевтических средств, поставляемых оттуда. Например, об эфиопском тмине, сильном лечебном средстве (Hippocrat., vol. VII, p.139; vol. VIII, p.387), или об особом эфиопском корне (*ibid.*, vol. VII, p.417).

Другой медицинский автор — Асклепиад (около 110 г. до н.э.), комментируя свидетельство Геродота о продолжительности жизни эфиопов, говорит, что эфиопы становятся стариками в тридцать лет⁴⁵.

Ссылается на это сообщение Асклепиада и один из натурфилософов, доксограф I в. н.э. Аэтий — V, 30, p.443⁴⁶. Сообщает этот автор и том, что Нил наполняется от снегов, тающих в горах Эфиопии (IV, 1, 2–6).

В сочинениях авторов-мифографов также хорошо отразились уровень знакомства греков с античной Эфиопией и отношение к африканцам, прежде всего на уровне обыденного сознания. Среди авторов этого жанра отметим Аполлодора (II–I вв. до н.э.), автора сочинения «Библиотека» в трёх книгах, который затрагивает эфиопскую тему с связи с разработкой мифов о Кефее (II, 1), чьё царство он помещает в Африке, Персее (II, 4) и Тифоне (III, 12), чьи приключения происходили там же⁴⁷.

Сочинения грамматического жанра, зародившегося ещё в конце V в. до н.э. и достигшего своего пика в эллинистическую и римскую эпохи, дают некоторые редкие подробности по африканской тематике. Являясь представителями дисциплины языковедческой и литературоведческой, занимаясь комментированием и подготовкой «критических изданий» произведений греческой литературы, грамматика сохранили в своих трудах множество эксерптов, глосс или пересказов и упоминаний об утраченных произведениях, в том числе географических и исторических. Они создавали многочисленные комментарии к важнейшим произведениям античной литературы (схолии), собирали редкие выражения и слова, составляя словари (глоссарии), писали жизнеописания знаменитых авторов. Поэтому

интересные данные об Эфиопии и эфиопах часто содержатся в словарях и схолиях⁴⁸.

Вследствие неразрывности греческой и латинской литературной традиции (о чём уже неоднократно говорилось) во многих случаях для получения отчётливой и полной картины о знаниях греков и античного мира в целом об Эфиопии и эфиопах нельзя обойтись без привлечения произведений латинских авторов. В частности, греческая научная традиция об Африке была бы недостаточно прояснена без трудов Плиния Старшего (27–79 гг. н.э.). Его «Естественная история» — *Naturalis Historia*⁴⁹, состоящая из 37 книг, включает совокупность всех римских сведений об Африке и практически полную сводку греческих данных. Энциклопедический характер этого сочинения, считающегося наиболее полной и лучшей компиляцией сведений античности об Африке, обусловил чрезвычайную широту содержания приведённых у Плиния материалов, в которых наряду с естественно-научными имеются и этнографические данные. Об этом свидетельствует содержание даже только нескольких мест его книги: данные о средиземноморском побережье Африки от Нила до Мавретании (V, 1–11); о Красном море, троплодитах и Эфиопии — на основании сведений римского времени и данных Геродота, перипла Ганнона, Агатархида, Страбона и других авторов (VI, 33–38); о фауне Ливии и Эфиопии (VIII, 24, 32); флоре Эфиопии (XIII, 38); драгоценных металлах (XXXIII, 15); драгоценных камнях (XXXVII, 25–30) и др.

Африканские свидетельства и мотивы в достаточно большом количестве содержатся и в сочинениях римских историков, прозаиков и поэтов, органично вобравших в себя греческий опыт и наблюдения, что даёт все основания для использования их по мере необходимости в контексте изучения греческих письменных источников по Африке. В их числе окажутся такие разные и разновременные авторы, как, например, Вергилий (*Vergil. Aeneis* I, 489; IV, 480; *Georg.* II, 116–120 — об эфиопах, Мемноне, слоновой кости, гомеровские мотивы), Цицерон (*Cicero. Post reditum in senatum* VI — о чёрных рабах в Риме), Саллюстий (*Sallust. Iugurtha* XVII, LXXX — о западной Африке, Нумидии, гетулах, эфиопах), Овидий (*Ovid. Metamorph.* II, 325 — об Икаре с эфиопским цветом кожи), Лукан (*Bellum civile / Pharsalia* III, 253; IV, 334; X, 302–306), Силий Италик (*Sil. Ital., Punica* III, 268–273; VIII, 20), Тацит (*Tacit. Annal.* III, 73–74; IV, 23–26; 50) и многие другие, особенно ещё и потому, что многие свидетельства греков в период с I в. до н.э. были или подтверждены, или уточнены римлянами в процессе военных и исследовательских экспедиций во внутреннюю Ливию и Эфиопию.

Отдельную группу источников составляют греческие эпиграфические памятники, относящиеся к категории документальных свидетельств своего времени. Иногда, правда, встречаются надписи, сохранённые в литературных произведениях античных авторов, а не найденные археологами.

Надписи имеют самый разнообразный характер и могут относиться к разным жанровым видам — эпитафии, votивные, мемориальные, посвящённые разным событиям, бытовые; на них могут быть зафиксированы важные политические события с участием эфиопов, просто имена, сведения о роде деятельности и социальном статусе, об отдельных жизненных судьбах, могут быть надписи бытового содержания, сакрального назначения. Однако во всех случаях значение этого материала трудно переоценить, поскольку он даёт возможность получения достоверной информации об эфиопах-негроидах Африки в их взаимодействии с античным миром, их месте в нём, степени знакомства античного общества с их страной и т.п. Специфика этого вида источников заключается в том, что они могут быть сделаны на различных природных объектах, предметах искусства и культовых памятниках, надгробиях или стенах зданий; они могут быть высечены на камне, выгравированы на бронзе, написаны краской на скалах или нанесены на керамику; это обстоятельство, кстати, иногда содержит в себе дополнительную информацию, важную для исследователя.

Один из специфически античных эпиграфических жанров — оракулы, относящиеся к герменевтической сфере письменной культуры. Оракулы ярко отражают повседневные представления античности, образ мыслей и основные черты обыденного сознания. Древнейшие оракулы, преимущественно от имени Сивиллы, сохранились в передаче многих авторов — Эврипида, Павсания, Варрона, в том числе у Платона (Plato, Phaedr. 244b), а также в эпиграфике, например, в эпиграфике Аттики IV в. до н.э.⁴⁹ В текстах этих оракулов имеются интересные упоминания об Эфиопии и эфиопах: III, 160; III, 205–210; III, 516; V, 183; VII, 16; VIII, 1–10; XIV, 284–289.

Африканские, в частности эфиопские, мотивы и свидетельства дают надписи, происходящие как из стран Средиземноморья — Греции и Италии, так и из стран африканского материка. В последних содержатся особенно ценные данные об эфиопах. Имеется несколько специальных изданий надписей с территории Африки — из Египта, Мероэ, Адулиса и других мест — на греческом, египетском и латинском языках, которые делают их доступными для изучения⁵⁰.

Среди грекоязычных надписей из Египта и Нубии, содержащих интересующий нас эфиопский материал, есть надписи из Александрии (n.1232, 1233), Канопы (n.1234), Каира (n.1235), Эдфу (n.1236), Филы (n.1237) и Адулиса (n.1239)⁵¹.

Кроме того, важны надписи Силко (I, n.201, p.303), из Пселхиса (I, n.202–208), Фил (I, n.209), Талмиса (I, n.210), Сиены (I, n.168)⁵².

Сведения о «греческой» Эфиопии, Египте и истоках Нила содержат надписи из Адулиса и Аксума, а также мероитские надписи⁵³.

О нескольких надписях здесь стоит сказать особо. Прежде всего, это надпись из Абу-Симбела, датируемая началом VI в. до н.э. — древнейшая

греческая надпись в столь южных районах Африки⁵⁴. Абу-симбельская надпись, свидетельствующая, что уже в VII в. до н.э. греки доходили до Нубии, напрямую соотносится со свидетельством Геродота об участии ионийцев и карийцев в экспедиции Псамметиха (II, 154)⁵⁵. Другая надпись — из Эдфу — датируется концом III в. до н.э. и сообщает о некоем Лике, сыне Пирра Ахарнянина, который во времена царя Птолемея и царицы Арсиной отправился в поход за слонами (о слоновой охоте в связи со страной эфиопов писали многие античные авторы, например Диодор и Страбон). В надписи из Адулиса, III в. до н.э., относящейся ко времени победных кампаний Птолемея III Эвергета, рассказывается о слонах из страны троглодитов и эфиопов, которых обучили участвовать в войне⁵⁶. Козьма Индикоплов в VI в. н.э. сделал копию двух надписей в Адулисе. Литературные источники, как было отмечено, широко обсуждали тему эфиопских слонов: *Periplus Maris Erythraei*, 3; *Agatharchid.* 84; 105; *Diodor.* III, 41; *Strabo XVII*, 768; *Pomp. Mela III*, 60; *Plin. N.H.* VI, 171; 220.

Надпись из Фил, датируемая 30–29 гг. до н.э., представляет собой трилингву — иероглифический, греческий и латинский тексты⁵⁷. Она рассказывает о походе Гаия Корнелия Галла в Эфиопию и подтверждается другими письменными свидетельствами, в частности сообщением Страбона (*Strabo XVII*, 53; 819).

Ещё одна интересная надпись I в. до н.э.⁵⁸ показывает близкое знакомство античного мира с разными областями Африки. Она выполнена на латинском языке на солнечных часах, на которых отмечены названия сезонов и названия шестнадцати регионов, среди которых перечислены Африка, Египет, Эфиопия, Мавретания и страна насамонов.

Завершая общий обзор корпуса античных источников по Африке, необходимо дать беглую характеристику важной группы источников, относящихся к разряду невербальных и являющихся материалом вспомогательным и комментирующим основной корпус письменных; речь идёт об иконографических источниках, которые при условии применения для их интерпретации верных комплексных методик дают исследователю ценный материал по изучаемой проблеме.

Античные образительные материалы являются весьма информативным и ценным (к тому же прямым) историческим источником. Среди них имеется множество сюжетов и персонажей, посвящённых Африке и её жителям. Образ чернокожего эфиопа был излюбленным в античном искусстве, и начиная с очень раннего времени древние художники тщательно разрабатывали его, создав в результате особый художественный канон для достоверной, типизирующей и обобщающей передачи негроидного антропологического типа и созданного античной культурой в результате знакомства и контактов идеального образа чёрного автохтона южной части земли, который соседствовал с вполне реалистичными и конкретными изображениями

африканцев. Сохранившийся в произведениях античного искусства образ чёрного эфиопа (и вообще вся совокупность африканских мотивов) имеет большое значение для исследования вопроса о степени знакомства греков с Африкой и об отношении их к африканцам и их культуре.

По этой проблеме имеется достаточное количество специальных работ, в которых сделаны подборки и греческой «африканской» иконографии в разных жанрах античного искусства, и различных материалов (например, уже названные исследования Бердслея, Сноудена, Мвенга — прим. 1, 2).

Примыкают к этой группе источников и некоторые авторы, оставившие в своих произведениях словесные описания известных в древности памятников искусства; у них часто имеются описания картин, мозаик, статуй с изображением африканцев либо сделанных руками африканцев-художников. Среди таких авторов прежде всего Павсаний, Витрувий, Филострат, дающие нередко ценнейшие сведения о произведениях античного искусства, посвящённых африканской тематике.

Описание знаменитых статуй и картин имеются и у других авторов разного времени. Так, уже у Геродота в египетском логосе, содержание которого отражает традиционную древнюю греческую тенденцию восхваления Египта и возведения многих греческих достижений и культуры в целом к египетской, упоминаются изображения египетских фараонов. Показателен контекст геродотового египетского логоса, в котором находятся и интересующие нас сообщения о памятниках искусства: заявление о том, что греческие культы происходят с земли Африки, из Египта (II, 4), Геракл был по происхождению египтянин (II, 43), культ Диониса пришёл из Египта (II, 49), греческие боги — египетские, а Посейдон — ливийский бог (II, 50), свидетельство о дарах египетских царей греческим городам Эфесу и Сардам — рельефов с изображением Сесостриса и о переправе через Эгейское море на Самос и в Линд, вотивных статуй Амасиса (II, 182). Другие традиционные для античной литературной традиции африканские сюжеты египетского логоса в «Истории» Геродота (Елена в Египте, путешествие в Африку Менелая, странствие Одиссея, Мемнон и Эфиопия) были излюбленными сюжетами и в произведениях изобразительного искусства.

Павсаний (I, 8, 6; I, 9, 8; I, 18, 6) рассказывает о египетских статуях в Элладе, например, о сделанной в Египте статуе Птолемея в Афинах. Статуя Геракла и Тесея в Мессине была создана египетскими художниками (IV, 32, 1; VII, 5, 5).

В изобразительном искусстве, как и в литературной традиции, очень популярна была во все времена гомеровская эфиопская тема. Из всех её мотивов наиболее часто изображалось мифическое предание о Мемноне: Павсаний упоминает и скульптурные, и живописные примеры (I, 42, 3; X, 31, 5); сцена поединка Ахилла и Мемнона была помещена в сокровищнице Кипселла (V, 19, 7).

Тема Мемнона запечатлена в огромном количестве изображений, преимущественно на керамике, начиная с VI в. до н.э.; основной массив вазописи с мемноновым сюжетом (Мемнон и Эос, Мемнон и Ахилл) приходится на V в. до н.э., но вплоть до конца античности он не исчезает из африканского репертуара в изобразительном искусстве (исследования, каталоги, альбомы по этой проблеме — Mveng, *op. cit.*, p.80, n.5).

Столь же популярной в изобразительном искусстве была другая гомеровская тема, посвящённая пигмеям (Hom. *Iliad.* III, 2–6), которая чаще всего встречается в вазописи (Mveng, *op. cit.*, p.81), но представлена и в скульптуре⁵⁹.

Негры как персонажи греческого изобразительного искусства, достаточно многочисленные в огромном художественном наследии античности, давно привлекали внимание исследователей, которые не только собрали все изобразительные объекты, посвящённые эфиопам, но и установили аутентичность различных типов негров в изобразительном искусстве греков (среди этих работ наиболее фундаментальны книги Лёвенхерца, Коллинсона, Бердслея, Сноудена, Мвенга; в двух последних имеются и библиография по проблеме, и отсылки к необходимым изданиям изобразительных памятников и музейных собраний⁶⁰). Изучение типов африканцев, изображённых в античном искусстве, показало, что они в целом соответствуют (с поправкой на условность изобразительного языка и особенности различных изобразительных стилей) существующим ныне в Африке; причём идентифицируются антропологические типы из центральной, восточной и западной Африки. Другой важнейший пласт информации, заключённой в изобразительном материале, — это свидетельства, относящиеся к сфере социального статуса эфиопов в античном мире (кроме мифологических персонажей и легендарных героев здесь изображаются жрецы, актёры, рабы, музыканты, государственные деятели, женщины, дети и др.). Всё это придаёт этой группе невербальных источников чрезвычайно большое значение в разработке заявленной темы.

2. ЭТАПЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ОБЪЁМА ЗНАНИЙ ОБ АФРИКЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Как показывает предыдущая часть раздела, тема «Чёрной» Африки в античных источниках представлена достаточно широко начиная с самого первого греческого письменного памятника — гомеровских поэм, а знакомство с Африкой восходит ещё к доантичной эпохе. Одновременно глубина и объём реальных знаний о странах чернокожих автохтонов континента были неравноценными в разные исторические периоды существования античности: долгое время они имели выраженный мифологический харак-